

Семен Соломонович поступает в хор церкви Сэн-Жерве, потом в хор симфонических концертов Аркура, занимается массажем.

Университет на первых порах мало увлекал его, и только впоследствии он занялся медициной вплотную. Он много работает, читает, пишет, посещает эмигрантские кружки, где всегда остается в оппозиции, тяготея, однако, влево. Публично Семен Соломонович не выступал никогда, но очень любил поспорить. "Я не помню случая, чтобы он (Семен Соломонович) когда-нибудь с кем-нибудь был согласен", — рассказывает брат Михаил Соломонович. Эта черта чрезвычайно характерна для Семена Соломоновича, всегда ищущего своей "правды", которой только и верил. Ходил Семен Соломонович на эмигрантские собрания обыкновенно с приятелями, жестоко высмеивая, издеваясь над новоявленными пророками. И ничего нет удивительного: люди, с которыми встречался Семен Соломонович, знали о жизни понаслышке, были книжниками, тогда как его воспитала сама жизнь, которая не укладывается ни в какие партийные "лозунги", вечно меняется и во внешних формах, и в своей условной "правде". По природе импрессионист, анархист, Семен Соломонович никогда не был так называемым человеком "убеждений", его мысль была причудлива, подвижна, часто парадоксальна, нередко он доводил свою мысль до чудовищного гротеска, но не сдавался никогда, в последнюю минуту всегда находя выход такой же неожиданный, как и сама мысль.

Жил Семен Соломонович жизнью очень характерной для большинства русских. Почти ни с кем из французов не сблизился, не интересовался ничем, кроме своих работ, своих мыслей, даже университет долгое время был на втором плане. Он, между прочим, кроме литературных работ, которые с каждым годом захватывают его все крепче, пишет множество писем друзьям, чрезвычайно интересных.

Живой, горячий, он часто увлекается; одно из таких увлечений едва не окончилось браком. Он очень страдал от измены любимой женщины.

Семен Соломонович не каждый год, но приезжал в Одессу навестить родных, повидать сына, который чуть ли не со дня рождения жил в семье отца.

Маленький Павел называл бабушку "мамой", дедушку "папой", а отца Сеней, долгое время считая его как бы братом...

В один из таких приездов он знакомится в семье невесты брата Михаила со своей будущей женой, Анастасией Соломоновой Зейлингер, которой тогда было двенадцать лет. В другой — застаёт отца, умирающего от мучительной неизлечимой болезни. Врачи допускали, что эту болезнь он мог получить от голубей.

Соломон Мойсеевич умер в 1895 году, в больнице, пятидесяти шести лет.

В том же 1895 году семья Зейлингеров приехала в Париж, и там была отпразднована свадьба брата Михаила. Он женился на Софье Соломоновне Зейлингер, старшей сестре Анастасии Соломоновны, в которую со всем пылом молодости влюбляется Семен Соломонович. Анастасия Соломоновна, прожив зиму в семье сестры, уехала в Одессу. Несомненно, мысли о женитьбе делают то, что Семен Соломонович работает тогда в университете уже по-настоящему. Но все-таки не забрасывает и литературу. К тому времени накопилось множество заметок, набросков, начатых рассказов.

* * *

В конце студенческих лет, около 1900 года, Семен Соломонович посылает в "Русское богатство" рассказ "Портной", который был встречен Короленко в высшей степени доброжелательно. Потом Семен Соломонович посылает туда же первые главы "Распада", но Короленко находит их слишком мрачными.

Семен Соломонович, конечно, был чрезвычайно огорчен, но это никак не повлияло на работу, в нем жила слишком большая уверенность в себе, неудачи как бы вызвали взрыв энергии. И действительно — в результате появился первый большой рассказ "Ита Гайне", сразу создавший Семену Соломоновичу известность.

Почти все, что было написано Семеном Соломоновичем в парижский период, носит характер безнадежности — беспросветной, удушающей.

Казалось бы, жизнь в мировом городе, славившемся легкой, веселой жизнью, молодостью, кипучим нравом Семена Соломоновича, наконец, его любовь к прелестной девушке — все это никак не отражается в его тогдашних произведениях. "Семен Юшкевич" — настоящий, сияющий, с его юмором, сатирой и романтическими видениями — еще весь впереди... Семен Соломонович не раз говорил: "Достоевский дал мне в руки перо".

В 1901 году в Одессе Семен Соломонович женился на Анастасии Соломоновне Зейлингер и уехал с молодой женой в Париж.

В 1902 году были сданы все зачеты; случайно было отложено писание диссертации, которую так и не написал Семен Соломонович...

М. Горький обратил самое живое внимание на начинающего писателя. В 1913 году был издан в "Знании" первый том "Семена Юшкевича", два года спустя был переиздан — и с тех пор произведения Семена Соломоновича стали помещаться в сборниках "Знания". В то время для молодого писателя это была величайшая честь.

Со славой пришло и денежное благополучие, и вместе с Семеном Соломоновичем свободно вздохнула и вся семья.

Семен Соломонович говорил, что обязан Парижу всем: там он получил образование, там сложилось его миросозерцание, там прошли счастливейшие студенческие годы... Так ли это? Кто знает произведения Семена Соломоновича парижского периода, тому ясно, что он воспитанник русской культуры. Это был человек, лучше всего знавший и любивший только свой народ, крепко, душевно связанный только с ним, с его мечтами, с его страданиями, и ничего удивительного нет в том, что лучшие его произведения — именно из еврейской жизни.

Семен Соломонович начал свою литературную деятельность суровым реалистом русской школы; но уже в начале 1900 года задумывается над символизмом, литературные формы претят ему академическим шаблоном. Если бы Семен Соломонович не был по природе драматургом, можно было бы допустить, что он начал писать пьесы из ненависти к условностям прозы... Уже в 1900 году он делает наброски к пьесе "Чужая", пьесе символической, которая пережила целый ряд вариантов и занимала его внимание всю жизнь. "Все в масках, кроме одной", написанная в 25 — 26 годах, это в некоторых частях все та же "Чужая".

Еще с 1900 года Семен Соломонович зажил полной жизнью, почувствовав, что он писатель. Еще одно событие, и жизнь Семена Соломоновича становится уже определившейся надолго. Это событие — рождение в 1903 году дочери Натальи, которое прошло не то чтобы незамеченным среди завязавшихся литературных отношений и большой работы, но Семен Соломонович не проявил сразу той необычайной нежности и восторга пред жизнью, которые ему внушали не только дети, но и беременные женщины... и только впоследствии это событие сказало во всей своей величине.

Это было время большой работы и большого подъема духа. И как раз в эту пору успехов, надежд, любви закрадывается в душу Семена Юшкевича мрачная тревога — он боится преждевременного увядания, ему опять, как в детстве, мерещится смерть... Этот неожиданный момент проходит как бы бесследно; но так ли это было на самом деле?

В 1904 году он работает над "Евреями", и в следующем году эта повесть выходит в сборнике "Знания" без последней главы, которая была урезана цензурой, это было после Кишиневского погрома. Время было тревожное, всюду шли аресты. Семен Соломонович волновался, боялся за сына, которому шел восемнадцатый год, за брата жены, юношу. Несмотря на то, что необходимых денег для путешествия не было, во имя спокойствия близких Семен Соломонович со всей семьей едет в Берлин, чтобы там пережить тревожное время.

В Берлине в один месяц он написал пьесу "В городе" — такой tour de force под силу только опытному драматургу... Но это была его первая пьеса. Этот взрыв творчества свидетельствует, что театр — его природное дарование, и неудивительно: едва он прикоснулся к кладу — он ему дался с места.

Как раз в 1905 году Московский художественный театр гастролировал за границей. Семен Соломонович встретился с труппой в Вене и прочел пьесу Немировичу-Данченко, который так заинтересовался своеобразной новинкой, что даже выдал аванс. Но в Художественном театре пьеса не пошла. Такие ошибки часты в театральном мире; пьеса по-настоящему была оценена только много лет спустя, за границей. В России она увидела свет в следующем году — в постановке Мейерхольда.

Сцена — хотя бы со своими условностями и рутинной, которые были так ненавистны Семену Соломоновичу, — все же ближе подошла к его горячему темпераменту; рама беллетриста оказалась для него тесной. У него было природное чувство к лаконизму сцены, он органически чувствовал секрет сценического движения.

Успех вскружил голову Семену Соломоновичу, творческий мотор горячо заработал, и он в том же году, летом, написал пьесу "Король".

И опять успех — неожиданный, головокружительный! "Король" принят на сцену Александринского театра!

Пьеса уже была срепетирована, прошла генеральная репетиция... но кому-то из власть имущих не понравилась, и без объяснения причин "Король" был снят с репертуара...

Пьесой очень заинтересовалась Савина, которая употребила все свое влияние на защиту "Короля"; но и всемогущей тогда Савиной не удалось отстоять его для Александринской сцены. Савина была капризна, упорна и добилась своей настойчивостью того, что "Король" — в том же составе актеров, что и на генеральной репетиции — пошел в Михайловском театре в пользу Театрального общества. "Король" шел три дня подряд.

Этот "неуспех", однако, стоил большого успеха. О начинающем драматурге заговорили, скандал с комментариями облетел всю театральную Россию, все театры. Этот неуспех дал театральное имя Семену Соломоновичу.

Савина ставила талант Семена Соломоновича чрезвычайно высоко, она называла его "вторым Островским", "наследником Гоголя" и в глаза, и за глаза. И правда — это не было пустой любезностью, каждую новую пьесу Семена Соломоновича она встречала с величайшим интересом и вниманием. Кажется, больше других пьес ей нравилась "Комедия брака" — несмотря на хлопоты перед дирекцией Императорских театров, Савиной на этот раз не удалось ничего добиться. Она отдала пьесу Суворинскому театру, который хотел ее поставить, но Семен Соломонович уклонился от этой чести...

Савина до конца жизни любила пьесы Семена Соломоновича. И уже незадолго до смерти она снова с молодой настойчивостью требовала постановки "Менделя Спивака" на Александринской сцене. Это было в конце 1914 года. И снова повторилось почти то же, что с "Королем" — "Мендель Спивак" прошел (один раз) в Мариинском театре в пользу того же Театрального общества⁹. Играла и Савина в этой пьесе маленькую роль. Это было ее последнее выступление на сцене...

После "Короля" была написана пьеса "Деньги" и поставлена в 1907 году в театре Коммунарской еврейской части публички устроила скандал. Пьеса была освистана, снята с репертуара и, кажется, больше нигде не появлялась.

В начале 1900-х годов в русской литературе царил Чехов, это было время прославления маленьких незаметных героев обыденной жизни. Героические времена прошли. Это раздражало Семена Соломоновича. Ему хотелось дать большую типичную фигуру, и он задумывает "Леона Дрея", своего любимого героя, который его занимает много лет.

Первый том "Леона Дрея" вышел в 1908 году.

Ни одно произведение Семена Соломоновича не вызвало таких нападков, не сопровождалось такой шумихой, не принесло столько огорчений. Но Семен Соломонович верил только себе и написал впоследствии еще два тома приключений Леона Дрея...

Тип Леона Дрея занимал его давно, уже в "Ите Гайне" подвизаются два "маленьких" Дрея: Михель и Яша. Леон Дрей — это, конечно, уже "тип", доведенный до гротеска. История рассудит, кто был прав: автор "Дрея" или его зоилы. Леон Дрей принес огромную популярность автору (впоследствии появился на экране кино). Параллельно с "Леона Дреем" Семен Соломонович замыслил большой рассказ из нравов одесской Дерибасовской улицы. Он пишет его с большим увлечением, и, как всегда, последняя работа ему нравится больше всего раньше написанного, которым он вообще мало интересовался. Семен Соломонович любил повторять: "Нужно писать последним пером", — т. е. со всем напряжением сил, как будто с последней страницей обрывалась жизнь самого писателя.

Он придавал такое значение "Улице", что даже подумывал: не может ли эта картина нравов виться перед парижским медицинским факультетом как вольная теза?...

Разумеется, и "Улица" — по тем же причинам, что и "Леон Дрей", "Ита Гайне" и др. — возмущает еврейское общество, которое упрямо повторяет: нет у нас сутенеров, проституток, шулеров...

Почти всю писательскую карьеру Семену Соломоновичу сопутствовала вражда — частью со стороны еврейского общества, частью русского (по разным, впрочем, причинам). Еврейское общество не могло пропустить его сатиры на буржуазию, как не хотело видеть трагедии разложения староза-

ветной семьи, нравов. Еврейское общество начала века любило своих старых писателей, живописующих быт еврейства, получившего, прежде всего, религиозное воспитание в вере отцов; оно привыкло видеть в художественном изображении только положительные типы, совершенно закрывая глаза на те перемены, которые произошли в мире за последнюю четверть прошлого века. Иные зоилы уверяли, что Семен Соломонович попросту не знает еврейского быта... Долго не могло примириться с Семеном Соломоновичем и русское общество, которое не могло привыкнуть к испорченному русскому языку, на котором говорили в городах "черты" еврейские ремесленники, маклеры и прочий рабочий люд.

Вопросом о том, что такое Семен Юшкевич как писатель, с его таким необычным театром людей, со странным нерусским языком, разрешили не те, которые должны были это сделать, не еврейское или русское общество, а публика, которая, не дозревая того, присоединилась к оценке таланта Семена Соломоновича, сделанной Короленко, Горьким, Савиной, Немировичем-Данченко, Горнфельдом и многими другими.

Нападки в обществе и в печати, разумеется, доставляли Семену Соломоновичу множество огорчений, обид. Но огорчения сменялись радостями — жизнь брала свое. Эти радости Семен Соломонович находил в семье. Когда Наташа была крошечной девочкой, он сам ее купал, кормил, рассказывал сказки, которые тут же сочинялись — он их мог рассказывать целыми днями! — по поводу первого бросившегося в глаза предмета. Когда Наташа подросла, он научил ее читать, рассказывал исторические эпизоды, рассказывал о чудесах химии. Но не одна семья доставляла ему те маленькие удовольствия, которыми мы по преимуществу и развлекаемся. Он любил и отдохнуть от семьи. Захватив с собой сотню "своих" папирос, он обыкновенно увлекал приятеля на целый вечер куда-нибудь в кафе, бильярдную; он любил угостить, пошутить, пошутить. Были у него приятели и совсем юные; нередко его можно было встретить с неожиданным субъектом — бирюком, который оклеивался другом детства. Да ведь это буквально повторялась в нем черта его отца, который тоже любил куда-то уходить, встречаться с приятелями, раздавать деньги...

"Отец вел дела спустя рукава и считал, что незачем особенно трудиться, если в том нет особенной надобности..." — рассказывает Михаил Соломонович про отца. Таким же бесребреником был и Семен Соломонович. При его громадной выносливости, быстроте работы ему ничего не стоило наводнять газеты и журналы своими произведениями, быть богатым, но он довольствовался необходимым. То, что Семен Соломонович работал немного, сослужил ему хорошую службу — за громадный период времени он не написал, за небольшим исключением, ничего слабого. Мелких, "хлебных" рассказов, фельетонов он писал очень мало.

Приблизительно в 1907 — 1908 годах Семен Соломонович знакомится с одесскими художниками, с их "четвергами", которые с небольшими перерывами, видоизменяясь, существуют в Одессе по сей день и живут больше 30 лет. С художниками Семен Соломонович встречается близко впервые. Его все интересует в новой среде, так не похожей ни на какую другую. Он поражается, до чего эти люди дорожат друг другом — одна болезнь могла удержать от посещения "четверга". Даже жены художников, лютые враги "четвергов", были бессильны расстроить это содружество (жены художников не допускались на "четверги"). Молодые и старики часто веселились, как дети, на своих "четвергах". На "четвергах" Семен Соломонович встретил ту самую дружбу, которую он знал только в детстве, и, пройдя уже половину жизненного пути, наконец, встречает ее снова.

Величайшая его похвала новому знакомому была: "четвергист". Как и всюду, где он считал себя дома, так и на "четверги" он приносил оживление, смех, всегда он был во власти играющей в нем мысли, часто не оформленной, уязвимой — и нередко Семену Соломоновичу жестоко доставалось от дружественной критики... Он никогда ни с кем не соглашался, и его трубный глас покрывал все голоса.

Семен Соломонович заинтересовался живописью, которая была ему чужда, хотя он и прожил в Париже десять лет. Он признавался, что "не видит, а только слышит", что ему непонятны краски, пейзаж. Тогда же он начал собирать этюды, картины, с большим вниманием прислушиваясь к тому, что говорилось об искусстве. Кое с кем из художников он подружился.

Мало знакомые с ним люди его не понимали; он нередко отпугивал своей прямо-

⁹ В начале настоящего — 1927 — года в Нью-Йорке "Мендель Спивак" шел с огромным успехом.